

Тема семинара

Модернизм и традиционализм:
проблема ценностного и политического баланса
России

Доклад

Традиционализм и модернизм:
проблема синергийного моделирования

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Глава 1. Методология социальной
синергии

**Преемственность и изменчивость
как базовые категории
исторического процесса**

История представляет собой сочетание двух существенно противоположных, но системно связанных между собой принципов изменчивости и преемственности. Исторический процесс формируется, как известно, в категориях прошлого, настоящего и будущего. Отсутствие изменений означает упразднение перспективы общественного развития (будущего), отсутствие преемственности — ее ретроспективы (прошлого). Любой из описанных случаев означал бы «конец истории». Это определяет и задачу акцентированного рассмотрения указанных принципов в качестве парадигмальных основ исторического процесса.

Преимственность и изменчивость, взятые в качестве категорий общественного бытия, имплементируются соответственно через феномены традиции и модернизации. Положенные в основу системообразования исторических сообществ они предстают в формате традиционализма и модернизма. Целевая установка предпринятого исследования заключается, таким образом, в анализе глобального социального развития человечества в дискурсе традиционалистско-модернистской категориальной рефлексии. Рабочей гипотезой прогностического содержания является представление о синергичности как новой грядущей стадии исторического процесса, синтезирующей на новой парадигмальной основе потенциалы традиционализма и модернизма. Управленческий ракурс гипотетически формулируемого концепта заключается в тезисе о цивилизационном оптимуме преимственности и изменчивости как базовом основании эффективности государственных политик.

Ряд проектных исследований Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования были посвящены доказательству тезиса о вариативности путей развития человечества. Однако полученные доказательства, выводы порождают очередные вопросы. Существует ли диапазон вариативности? Упраздняет ли она, и в какой мере, категорию универсальности? И, наконец, как быть с законами и трендами истории? Все эти вытекающие из теории вариативности проблемные постановки актуализируют обращение к историческому анализу.

Три источника синергичного традиционализма

Методологическим основанием работы явился трехкомпонентный концептуальный синтез. Первой его составной частью выступила теория цивилизационной множественности¹.

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. В 2 т.; Тойнби А.Д. Постижение истории. М., 1991; Данилевский Н.Я.

Применение к ней категорий модернизма и традиционализма позволило рассмотреть развитие цивилизаций как динамику модернизационных инноваций и традиционалистских отторжений. Существование цивилизаций определяется по этой методологической компоненте через парадигму исторического оптимума. Деоптимизация развития, связанная с векторным перекосом в сторону одного из обозначенных полюсов, означает, напротив, цивилизационную разбалансировку и перспективу гибели.

Другим методологическим компонентом исследования явилось модифицированное в соответствии с условиями третьего тысячелетия и накопленным арсеналом знаний гегельянство. Гегельянская диалектическая триада — «тезис — антитезис — синтез» была положена в основание моделирования общей схемы. Методология Гегеля модифицируется в данном случае посредством приложения к ней основных категорий теории модернизации². Новая триадная модель исторического процесса выражается через цикл — «традиционное общество — модернизационный процесс — социальная синергия». Стадиально данная схема могла бы быть представлена следующим образом: архаический традиционализм — модернизм — синергийный традиционализм.

Последняя из стадий, представляющая собой традиционалистско-модернистский синтез, могла бы быть номинирована и в качестве синергийного модернизма. Предпочтение, отданное в данном случае понятию «традиционализм», определяется идеей реализуемого в истории цикла, воссоздания на новом витке развития парадигмы первого этапа диалектической триады.

Третьим компонентом применяемой в исследовании методологии явился генонизм. Через традиционалистскую теорию Рене Генона осуществляется соотнесение научной ин-

---

Россия и Европа. СПб., 1995; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.

терпретации исторического процесса и его аккумулятивного религиозного понимания³.

Предпринимается попытка достижения синтезного осмысления истории с позиций религии и науки. До сих пор они парадигмально противопоставлялись друг другу. Вульгаризированным форматом этого противопоставления явились концепты «линейного прогресса» (секуляризм) и «линейного регресса» (клерикализм). В действительности, одновекторного прогрессивного и регрессивного движения в истории не существует. Оценка его направленности зависит от критериальных оснований. При выдвигаемой нами идеи о многокритериальности истории ход исторического движения обнаруживает разнонаправленный прогрессивно-регрессивный характер.

Важным теоретическим положением генонизма, взятым в качестве объяснительного основания процесса межстадиальных инверсий, явилось предложенное понимание феномена социальной энтропии. Возникая в качестве идеального установления (в религиозной традиции — божественного), каждая система в дальнейшем объективируется, овеществляется, все более отдаляется от первоначального идеала и, в конечном итоге, подходит к своей гибели. Именно это геноновское прозрение объясняет феномен расконсервации тысячелетиями существовавшего традиционного общества, дает понимание, почему воплощавшая высшие ценностные ориентиры народов сакрализуемая традиция становится на определенном этапе не более чем инструментом патерналистско-клерикального сдерживания.

---

³ *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М., 1994; *Генон Р.* Традиционные формы и космические циклы. М., 2004; *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике СПб., 2000; *Генон Р.* Символика креста. М., 2004; *Генон Р.* Символы священной науки М., 2002.

Преемственность как функция традиций

Само формирование человеческого общества стало возможным благодаря появлению традиций. Через них осуществился исторический переход от биологического к социальному состоянию. Традиции выполняли функцию аккумуляции и передачи из поколения в поколение накопленного опыта. Вне действия принципа преемственности никакой социум исторически не состоялся бы⁴.

Отсутствие развитой системы трансляторов знания (особенно в условиях дописьменной культуры) обуславливало жесткость традиционного формата, регулируемого механизмами табу и ритуала. Консервация архаического общества выполняла таким образом охранительную роль к зыбкому еще полю трансляции познавательного опыта. Интеграционная миссия и когнитивный универсализм генезиса традиций может быть раскрыт как в рамках религиозного, так и материалистического дискурса.

Естественно-научная объяснительная модель связывает их формирование с распространением магической протонаучной практикой. Она представляла собой адаптационный механизм по отношению к природному ареалу обитания соответствующей общности. Тысячелетия такого рода адаптации позволили выработать оптимум бытийных конструктов, проявляемых от специфики форм управления до локальных особенностей пищевого рациона. По многим параметрам современная наука далеко отстает от уровня магической практики. Достаточно в данном иллюстративном ряду указать на феномены ясновидения, целительства, психоэнергетического транслирования.

---

⁴ Суханов И.В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. М., 1976; Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография, 1982, № 2; Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7.

Второй подход в истолковании генезиса традиций соотносится с религиозным миропониманием. Содержательную основу традиционной культуры составляет при данной интерпретации акт божественного откровения. Исторический дискурс задается фигурой «культурного героя», транслирующего человечеству «высшее знание». Задача сохранения полученного свыше откровения определяла специфику социального и политического структурирования традиционного общества. Знания таким образом дифференцировались по источнику происхождения на божественные и мирские. Соответственно, выделялись эзотерический (высший) и профанный (низший) познавательные пласты. В своей высшей трансцендентной ипостаси знания носили универсальный всечеловеческий характер.

Они включали в свой арсенал не только информационный, но и ценностный компоненты, выступавшие как синтезированное целое (синергия этического и феноменологического уровней). Добро и зло едва ли не в каждой мифологической традиции являлось первоуровнем познавательной деятельности человека. Достаточно хотя бы упомянуть мифологему библейского плода познания.

При всей вариативности локальных культов представления о базовых человеческих ценностях в традиционных религиях удивительным образом совпадали. Так, под содержанием десяти христианских заповедей могли бы расписаться представители любой из конфессий. Универсализм высшего познавательного уровня традиционных религий не означал существования единого универсального учения («брахмавидьи»), о котором говорили теософы. Совпадая на высшем уровне, на среднем и низшем пути познания расходились.

Это согласуется с подходом Рене Генона, трактовавшего различия сакральных форм вариативностью качеств человеческой и исторической среды, на которую проецируются лучи Единой Высшей Истины. Ядро традиционных учений, в котором преодолевались конфессиональные расхождения,

определялось им как «Примордиальная Традиция» или «Изначальное Предание»⁵.

В отличие от современной сетевой модели, структура знания традиционного общества преломлялась через символику пирамиды (рис. 1). Соответственно и традиции пирамидально диверсифицировались по степени своей универсальности. Традиции — с большой буквы — адресовались через откровения всему человечеству, выражая его традиционалистское всеединство. На среднем уровне актуализировалась парадигма вариативности божественной репрезентации. Среднеуровневая традиция закрепляла один из возможных путей постижения Бога. Все они были истинны в мировом человеческом масштабе. Но в локальном континууме истинность имела монистический характер. Уместно говорить в этом отношении о традиционалистском плюрализме миропознания. Современная плюрализация осуществляется в принципиально ином формате, будучи соотнесенной с методологическим индивидуализмом, при системной монистичности и даже унификаторстве. Напротив, домодернистский плюрализм был плюрализмом систем, но не плюрализмом индивидуумов. Среднеуровневые традиции выступали историческими конструктами интеграции цивилизационных общностей. Неслучайно, что модернистская детрадиционализация обернется на практике энтропией цивилизаций.

Наконец, традиции третьего типа связывались с микроуровневым масштабом измерения. Они закреплялись, главным образом, на уровне повседневного бытия, смыкаясь с обрядовой практикой и заповедными нормативами. Разрушение традиций и энтропийная профанизация приводили повсеместно к трансформации локальных знаний в суеверия. Степень вариативности путей познания естественно возрастала, соотносясь с природно-средовыми локалитетами. Веками вырабатывались оптимальные семиотические

⁵ Генон Р. Избранные произведения. М., 2004; Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

пропорции, составляющие локально-этническую символику. Архитектура, аранжировка помещений, одежда, пища закреплялись традицией по принципу их наибольшего благоприятствования специфике антропологической природы и географической среды. Если традиции первых двух уровней выражались главным образом через религиозный и мифологический пласты познания, то для третьего была характерна ниша магического опыта. Противопоставлять религию и магию, как это часто делается в рамках теологической критики народных суеверий, гносеологически некорректно. Различие между ними есть не различие учений, а различие в уровнях познания⁶.

Рис. 1. Иерархия традиций

---

⁶ *Mc Kinney J., Loomis C. The Typological Tradition // Urban Man and Society. A Reader in Urban Sociology.— N.-Y., 1970.*